

Я думал показать семпая магазин, поскольку она была здесь впервые. Однако, когда мы вошли в магазин, меня привлекла коллекция шедевров акварельной живописи, и я зачарованно перелистывал её страницы, забыв о своей первоначальной цели. Я никогда не интересовался акварелью, потому что материалы и техники отличались от тех, на которых я специализировался в масляной живописи, но когда я пролистал страницы, мысль о том, чтобы попробовать акварель, показалась мне не такой уж плохой. Альбом был довольно тяжёлым, чтобы нести его обратно в Маймори, но я всё равно решил его купить. Затем я поискал семпая. Мне показалось, что ей было трудно выбирать между двумя коллекциями Кавабе-сенсея, поскольку её взгляд постоянно перебегал с одной книги на другую.

- Что-то не так?

- Хмм... Я раздумывала, что бы такое купить, но чем больше я думаю об этом, тем больше мне становится не по себе. Только если бы картина Юри, которую я видела в начальной школе, была в одной из них, тогда я бы непременно купила бы её. В конце концов, мой любимый художник - не кто иной, как Юри.

На один день я попытался забыть о существовании Юри, насладиться выставкой, не испортив её горечью. И всё же, почему мне нужно напоминать о том, какими удивительными были её картины, нарисованные ученицей начальной школы, которые могли изменить жизнь? Как мне скрыть свою зависть перед таким потрясающим талантом?

- Эта девушка была гением, гением, который не рисует. Нет... Который отказывается рисовать. Я ненавижу, когда ты говоришь, что кто-то вроде неё лучше Кавабэ-сенсея, который рисует, чтобы заработать на жизнь, или меня, который усердно оттачивает свои навыки каждый день.

Когда я выплеснул свое негодование, семпай, которая купалась в центре внимания и планировала войти в индустрию развлечений в Токио, несмотря на своё деревенское происхождение, несомненно, была кем-то «с той стороны». Она не могла понять моей мелкой борьбы, она просто посмеивалась надо мной.

- Люди, которые работают так усердно, что могут захлебнуться в собственной крови, не достигают своей мечты. Они просто этого не делают. Если бы каждое усилие вознаграждалось, тогда никто бы не плакал, - фыркнул я.

Семпай ничего не сказала в ответ, но, конечно, что тут было говорить? Это была правда. Это было именно так... Именно поэтому я боролся изо всех сил. Вот почему это было так больно.

- Но... Такой трудолюбивый человек не так уж плох, по крайней мере, для меня.

Я поднял глаза, поражённый её словами, и заметил, как она нежно сжала кончики моих пальцев. Не было ни одного мужчины, чьё сердце не замирало бы на мгновение, когда его рука переплеталась с длинными и тонкими пальцами такой красивой особы.

- Н-нет, я не дулся. Перестань обращаться со мной как с ребёнком.

Возможно, моё лицо покраснело, а возможно, и нет, я никак не мог этого знать.

- Я не пытаюсь тебя утешить. Я просто делаю это, потому что хочу.

Наши глаза встретились на долгое время. Я понятия не имел, о чём думала семпай и каковы были её намерения. Однако я был здесь не для того, чтобы делать это с ней.

Вспомнив об этой застенчивой девушке, которая всегда будет жить в моём сердце, я осторожно убрал свои руки из её рук. Семпай не выглядела недовольной, скорее, она пристально посмотрела на меня и спросила:

- Ты родился и вырос в Маймори? Юри тоже?

- Да. Мы с Юри вместе с детского сада, и она мне надоела. Больше половины моей юности было потрачено впустую на заботу о ней.

- Ха-ха. Похоже, что тобой была проделана большая работа. Я собираюсь в Токио сразу после окончания старшей школы, но как насчёт вас двоих?

- Я тоже стремлюсь поступить в художественный колледж в Токио, но Юри... Интересно, что она собирается делать? Я не думаю, что она сможет выжить без меня, но в то же время я чувствую, что ей было бы просто прекрасно жить одной на необитаемом острове... Я думаю, она просто не сможет выжить в обществе...

- Говоря «Юри», ты имеешь в виду Кашивадзаки Юри-сан?

Удивлённый низким голосом, который никак не мог принадлежать семпаю, я развернулся. Там стоял долговязый мужчина в чёрной куртке. Судя по тому, что в его волосах виднелись седые пряди, ему было, вероятно, чуть за пятьдесят. Нет, это был не просто какой-нибудь старик, я видел его раньше. Я только что видел его на плакате перед магазином, художник проводил эту самую выставку.

- Вы... Шухей Кавабэ-сенсей, не так ли?! О, для меня это большая честь. Хм.

Его глаза нашли альбом в руках семпая.

- Я был бы очень рад, если бы вы его купили. Этих книг осталось не так много, это редкая коллекция. Я также могу подписать её для вас.

С этими словами он наклонился, чтобы подписать ей книгу.

- Что!? Почему вы здесь? - вскрикнула семпай.

- Почему? Это моя выставка в моём родном городе. Сегодня последний день, так почему бы мне не прийти посмотреть, как идут дела? А теперь, почему бы вам не ответить на мой вопрос?

Если я правильно помню, несколько минут назад он упомянул знакомое имя.

- Вы знаете Кашивадзаки Юри? - спросил я.

- О, да, конечно. Я её поклонник, - исповедовал он.

Потрясённый, ошеломлённый, я встретился взглядом с семпаем.

- Я был одним из судей конкурса рисунков, в котором она участвовала на летних каникулах в восьмом классе. Признаться, я был потрясён. Это было не то, что мог нарисовать подросток, для неё определённо рисовал художник-призрак. Вот что я тогда подумал.

Каким бы неприятным это ни было, этот фрагмент тоже запечатлелся в моём сознании. В конце концов, её уговорили рисовать для рекомендации в старшую школу, и она провела оставшуюся неделю летних каникул за рисованием. Вероятно, используя теорию о том, что что-то знакомое рисуется быстрее, она нарисовала автопортрет. От единственной пряди волос до текстуры кожи - каждый элемент был безупречно передан её реалистичной живописной техникой.

Чем больше времени она проводила за рисованием, тем более замысловатым становилось выражение её лица. Это была картина, написание которой она потратила одну неделю своих летних каникул. Независимо от того, насколько сильно она могла сконцентрироваться на работе, любому было бы трудно поверить, что это было сделано за одну неделю.

- Когда я увидел другую её работу, с моих губ сорвался вздох... Ах, конечно, я восхищённо вздохнул. Это было великолепно. Хотя она была нарисована в совершенно другом стиле, всё равно от её работы захватывало дух, - восхищался он. - Учитывая неограниченный потенциал, которым она обладает, я не мог не возлагать на неё больших надежд.

Я не мог поверить, что даже Шоухей Кавабэ так высоко ценил её. На этот раз Кавабэ-сенсей упомянул изображение абстрактного существа их морских глубин. Переполненный уникальностью и индивидуальностью, рисунок Юри получил огромную поддержку и два года подряд побеждал с рекордным количеством голосов.

- Ты знаешь английское слово, обозначающее гениальность? - спросил Кавабэ-сенсей, пристально глядя на меня.

[P/S: Оригинальное японское слово «天才», означающее вундеркинд/гений/талантливый]

- Genius, верно?

- Правда? Тогда как насчёт таланта?

[P/S: Оригинальное японское слово «才能», означающее талант/способность]

- Talent... - запнулся я.

«Талант» - ещё одно слово, которое я ненавижу, но к которому стремился больше всего на свете.

Я не был настолько хорош в английском, но мог понять так много слов, однако Кавабэ-сенсей фыркнул, как будто я дал неправильный ответ.

- Твой ответ был очевиден, но я предпочитаю другое слово: «Gift». Другими словами, талант можно рассматривать как дар от бога.

- То есть вы хотите сказать, что наши навыки определяются ещё до рождения? Независимо от того, сколько усилий прикладывают обычные люди, нет никакого способа победить их?

Я уже мог себе представить, как Кавабэ-сенсей отреагирует на моё наглое замечание. Тем не менее, с моей точки зрения, эти «талантливые люди» заслуживали того, чтобы на них набросились.

- Откуда мне знать? Но есть поговорка, что гений - это один процент вдохновения и девяносто девять процентов усилий. Вот почему я хочу поместить Кашивадзаки-сан в правильное окружение и направить её по правильному пути, - согласился сенсей.

Используя эту цитату, Кавабэ-сенсей умело уклонился от ответа на мой вопрос. Плавным движением он подписал альбом, который держал в руках.

- Не говоря уже о планах на будущее, я слышал, что она даже не брала в руки кисть, хотя уже второй год учится в старшей школе. Исходя из моих предположений, я бы сказал, что отсутствие у неё мотивации связано с отсутствием стимуляции, - отметил он.

- ...Откуда вы узнали, что Юри не занималась живописью всё это время?

- Не смотри на меня так. В этом нет ничего схематичного. Я ни в коем случае не преследую Кашивадзаки-сан. Я только что спрашивал Хиираги-сан о её делах некоторое время назад. Я

слышал, что у неё нет никакого намерения поступать в художественный колледж или учиться за границей. Я знаю, что я ей совершенно незнаком, но как человек, который рисует, чтобы заработать на жизнь, и пожилой человек, который хочет увидеть светлое будущее японского мира искусства, я беспокоюсь о её будущем.

подавив желание сказать: «Из кожи вон лезть, чтобы спросить Хиираги-сенсэя о Юри, это само по себе довольно по-сталкерски», я задумался над тем фактом, что кто-то вроде Кавабэ-сенсэя так сильно заботился об одинокой старшекласснице. Юри, насколько удивительным человеком ты была?

- Я также попросил директора музея отправить ей по почте билеты на выставку. Похоже, она не смогла прийти. Ещё я отправил ей по почте свою визитную карточку вместе с билетами. Не мог бы ты передать ей, что я жду от неё весточки в любое время и приложу все усилия, чтобы помочь ей в чём угодно.

Когда он положил мне руку на плечо, а на его лице появилась ободряющая улыбка, я обиделся ещё больше.

- Я вам не мальчик на побегушках. Я Комия Соске, и однажды я стану художником, - прорычал я.

Выражение лица Кавабэ-сенсэя не изменилось. После этого он ушёл в другую комнату со своими сотрудниками.

Когда альбом был подписан, у семпая не было другого выбора, кроме как купить его. После того, как она закончила свою покупку, мы вышли из магазина.

- Я так и знал. Дело не только во мне, картины Юри просто великолепны, верно? - изумилась семпай.

Всё это время она была молчалива, как статуя Дзидзо.

- Да... Даже Кавабэ-сенсей, который видел уже много произведений искусства, проникся к ней симпатией... Точно так же, как и то, что ты пережила, её картины покоряют сердца, - согласился я.

Возможно, именно последствие восхищения Кавабэ-сенсэя заставило меня раскрыть свои искренние чувства. Я поймал себя на том, что тоже хвалю её.

- Карандаши, кисти, мелки, как хотите... Что бы вы ей ни подарили, то, что она делает с помощью их, - это шедевры. Смелые, но в то же время нежные, с ощущением движения, которое, кажется, в любой момент может выпрыгнуть из холста... Я очарована её картинами. В первый раз, когда я увидела её картину... Я была поражена благоговением... Это было так, как

если бы моя судьба была решена...Эээ, не говори ей об этом, ладно?

Но это не означало, что я одобряю то, как она почивала на лаврах и отказывалась прилагать дальнейшие усилия.

Не обращая внимания на мою дилемму, семпай восхищённо прошептала:

- Тебе, конечно, очень нравится Юри.

- Нет. Никогда у меня не было к ней никаких романтических чувств.

- Правда? Но ты испытываешь к ней нечто вроде восхищения её талантом, не так ли?

- Только не это! Определённо нет! - огрызнулся я.

Рефлекторно я агрессивно отмахнулся, как поступил бы, если бы Юри поддразнивала меня. То, что я восхищался её мастерством как художницы, было фактом, который я сам никогда не хотел признавать.

Возможно, из-за того, что я набросился на неё, глаза семпая расширились от удивления. В этом не было необходимости, это только заставило бы её ещё больше заподозрить наши отношения. Мне нужно было успокоиться... Но, будучи взвинченным, эмоции не могли легко утихомириться.

- П-прости, что я сорвался! Дело не в том, что вы меня обидели, это скорее привычка! Я просто ничего не могу с собой поделать!

Даже мои извинения прозвучали убедительно.

- Ты не обязан извиняться...Так... Что мы собираемся делать дальше?

Я взглянул на часы. Несмотря на то, что была зима, до захода солнца оставалось ещё много времени.

Согласно моим планам, я должен был пригласить семпай на ужин, обсудить впечатления от увиденных нами картин и решить, в каком направлении двигаться в отношении выставки Кодзи. Если бы я мог начать работать над этим к завтрашнему дню, это было бы плюсом.

- Ну... Ты ведь очень занята, верно? Тогда давай вернёмся к Маймори.

Но из-за того неловкого разговора с Кавабэ-сенсеем, из-за того, что он полностью раскусил

мою ревность к Юри, у меня не было настроения выполнять этот план.

Не в силах избавиться от чёрного тумана в груди, я расстался с семпаем после того, как мы вернулись в Маймори. С трудом я дотащился до дома и, собрав последние силы, забрался на кровать. Было ли это сразу после этого или прошло какое-то время, я не знал, но, заметив, что мой телефон вибрирует, я проверил сообщение.

[Художественный музей? Как круто. Я тоже хочу туда поехать! Вам было весело?]

Пришло сообщение от Утако. Это был невинный вопрос, но он задел меня за живое. Я нажал, и экран почернел. Я закрыл глаза.

Я задавался вопросом, хорошо ли Юри проводила время, совершая глупости и смеясь как дура, в то время как я трудился и страдал.

Я ничего не мог с собой поделать, но одна только мысль о ней раздражала меня. Каким другом детства я для неё был...?

<http://tl.rulate.ru/book/69411/3349097>